

**ФАНТОМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ОБСУЖДЕНИЕ МОНОГРАФИИ Ж.Т. ТОЩЕНКО
В ИНСТИТУТЕ СОЦИОЛОГИИ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Продолжение. Начало в № 3 2015 г.

А.В. Лубский

**СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНИ КАК SCIENCE И NARRATIVE:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТИЛЕ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА
Ж.Т. ТОЩЕНКО, АВТОРА КНИГИ «ФАНТОМЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА»**

Пересказывать книгу Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества» не следует, ее надо читать. Рассказывать о ней можно долго. Поэтому, участвуя в обсуждении этой книги, я хочу остановиться на особенностях стиля его научного творчества, результатом которого и стала собственно эта книга [6, с. 204–209]. Особенности стиля научного творчества автора можно лучше понять в контексте той интеллектуальной ситуации, которая сложилась в российской социологии на рубеже XX–XXI вв.

После «отмены» марксизма как универсальной теории социального познания социология в России, столкнувшись с проблемами методологической самоидентификации, последние двадцать лет находится в поиске наиболее адекватных способов научно-исследовательской деятельности. И надо сказать, что поиски эти затянулись, поскольку они велись, как оказалась, не совсем в том направлении, которое позволило бы понять общество, в котором мы живем.

В 90-х гг. XX в. обнаружился дефицит креативности среди российских социологов, связанных с разработкой новых способов познавательной деятельности в науке. Многие социологи, отказавшись от марксизма, обратились к западноевропейской интеллектуальной традиции, сотворив себе новых кумиров в лице различных представителей академической науки на Западе. Теоретические конструкты этой науки, их понятийный аппарат стали широко использоваться в отечественных научных исследованиях, посвященных российской социальной специфике. При этом многие из этих конструктов превратились в отечественной социологии в интеллектуально-когнитивные моды как теоретические образцы познавательной деятельности, выполняющие в

научном познании нормативно-принудительную функцию [3]. Поэтому и сегодня при описании и объяснении российских социальных реалий исследователи пользуются преимущественно научным языком западной социологии, который является интеллектуальным продуктом особого культурно-исторического развития и который был разработан для изучения принципиально иных институциональных систем, действовавших по иным правилам, нежели травмированное российское общество со своей социокультурной спецификой.

В конечном счете все эти «подражания и заимствования» нашли выражение в интеллектуальном эпигонстве и эклектике, крайне низком теоретическом уровне работ российских ученых, концептуальной примитивности [2, с. 314–339]. Что нашло отражение, как считает Ж.Т. Тощенко, в отсутствии новых идей и принципиально новых научных результатов [8, с. 6–10]. Иными словами, дефицит методологической креативности породил в российской социологии синдром теоретической беспомощности. В отечественной социологии пока отсутствует научный язык, адекватный для понимания и объяснения российской социальной специфики.

Особенности стиля научного творчества Ж.Т. Тощенко можно лучше понять в контексте той эпистемологической ситуации, которая сложилась в социологии вообще на рубеже XX–XXI вв. В методологии социологического познания одной из наиболее актуальных сегодня является проблема контекстуальности, которая, в частности, была центральной в работе 38-го конгресса Международного института социологии, состоявшегося в июне 2008 г. в Будапеште. Контекстуальность означает, что всякое социальное явление необходимо изучать в рамках той культурно-исторической среды, которая породила это явление. Поэтому прежний поиск универсальных категорий и универсальных моделей, пригодных при изучении любой страны независимо от ее социально-исторического своеобразия, сегодня признан неадекватным и по сути дела отвергается многими ведущими учеными мира.

Отечественная социология для понимания социальной жизни в России сегодня нуждается в специальных социологических теориях. Речь идет о таких теориях, которые являются результатом синтетической деятельности ученого, связанной с обработкой эмпирического материала, полученного при изучении социальной реальности, обладающей своей национальной, территориальной, культурной и прочей спецификой. Однако в российской социологии много деклараций, но нет практического интереса к таким теориям. Отсутствие такого интереса обусловлено, во-первых, девальвацией научно-теоретического ра-

зума и преобладанием в ней описательных научных исследований с «очень плоской интерпретацией эмпирических данных», во-вторых, дефицитом холистского социологического мышления и фрагментацией социологического знания.

Особенности стиля научного творчества Ж.Т. Тощенко заключаются в том, что его основу составляет неоклассическая рациональность. Эта рациональность сформировалась в результате синтеза таких установок, как поиск истины в классической науке и установление зависимости объясняемых характеристик предмета исследования от его методологии в неклассической, и дополнения их осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотношении с социальными целями и ценностями.

Неоклассическая рациональность предполагает, что содержание социологического знания зависит не только от предмета социологического исследования, но и от его методологии и социокультурного контекста, выражением которого выступает язык научного дискурса. В рамках такой научной рациональности в социологии получили распространение идеи конструктивного реализма, сторонники которого, преодолевая оппозицию реализма и конструктивизма, исходят из того, что познающий субъект не только отражает, но и конструирует социальную реальность в рамках культурно-эпистемологического контекста. Представители конструктивного реализма рассматривают социальное познание как такую когнитивную деятельность, которая предполагает взаимодействие ученых, с одной стороны, с социальной действительностью, а с другой – друг с другом [4, 5].

В рамках этих взаимодействий конструируются «жизненные миры» как картины социальной, которые не только соответствуют самой социальной реальности, но неизбежно несут на себе «почерк» познающего. В этом плане конструктивный реализм в определенной мере связан с лингвистическим поворотом в социальном познании, который привел к пониманию того, что между субъектом как интерпретатором и объектом как «жизненным миром» социальных взаимодействий существует «экран» всевозможных «языковых игр». Научный интерес к «жизненным мирам» сформировал особое направление, получившее название социология жизни, в рамках которого Ж.Т. Тощенко была разработана концепция специальных социологических исследований [7, 10].

Обсуждаемая книга Ж.Т. Тощенко, написанная в духе конструктивного реализма, посвящена новым явлениям, которые появились в общественном сознании и социальных практиках травмированного российского общества. Эти явления олицетворяют собой специфиче-

ские, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, носители которых обладают гипертрофированными социальными характеристиками (непомерная жажда власти, неограниченное желание обладать богатством, болезненное стремление к славе).

В России в эпоху перемен и смены имен во всех сферах общественной деятельности появились экстравагантные персонажи, которые оказали огромное, нередко деструктивное влияние на социальную жизнь в России. Их деятельность сопровождалась не только деформацией общественного сознания, но и огромными экономическими, геополитическими и даже имиджевыми потерями для России. Вместе с тем это – своего рода социальные протуберанцы, оставившие после себя ошарашивающее впечатление, мгновенную или мистическую память.

Изучая эти новые явления, автор столкнулся с проблемой, как описать эти новые явления в общественном сознании и социальном поведении в российском обществе. Для описания их частных случаев можно, конечно, подобрать подходящие понятия: охлократы, коллаборационисты, ксенофобы, предатели, плутократы, интеллигенты, элиты, либералы. Но как выразить сущность этих новых явлений? Нужен новый язык, его не позаимствуешь на Западе. Поэтому Ж.Т. Тощенко наряду с понятиями широко использует концепты.

Концепты как формы научного мышления являются, с одной стороны, результатом категоризации научного знания, с другой – определенной формой абстрагирования, модели которого задаются самим научным мышлением. Являясь формами научного мышления, концепты направлены на «схватывание» смыслов в единстве речевых высказываний, действуют в режиме непосредственного диалогического общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего, и поэтому они всегда сохраняют открытые пространства для иных трансфлексивных обобщений. В процессе производства личностно ориентированного знания о социальной реальности концепты как акты памяти ориентированы в прошлое, как акты воображения – в будущее, как акты суждения – в настоящее [1, с. 49].

Основным концептом, с помощью которого описываются новые явления в общественном сознании и социальном поведении в травмированном российском обществе, является «фантом». Используя это концепт, автор не только описывает, но и конструирует предмет своего когнитивного интереса, выделяя фантомные личности и фантомные процессы.

Особенности стиля научного творчества Ж.Т. Тощенко заключаются в концептуальности его научного мышления. В отличие от рассудочного мышления, оперирующего научными понятиями, концептуальное мышление базируется на концептах – когнитивных моделях рационально-ценностного содержания, формируемых речью в процессе дискурсивных практик.

Особенности стиля научного творчества Ж.Т. Тощенко заключаются также в синтезе принципов сциентизма и нарративизма. Сциентизм связан со стремлением к реконструкции социальной реальности в виде системы эмпирически обоснованного теоретического знания. В рамках сциентизма, изучая фантомные личности, автор использует методы социально-психологического и феноменологического анализа, выявляя личностные качества и ценностные ориентации фантомов, а также классические методы, социологического следования, которые позволяют сосредоточиться на социальных предпосылках появления фантомов в российской жизни и социальных последствиях их деятельности.

Вместе с тем книга Ж.Т. Тощенко – это демонстрация того, насколько специфическими являются познавательные средства ученого, изучающего социальную жизнь, какую особую роль в научно-исследовательских практиках играет такое познавательное средство, как язык. Для Ж.Т. Тощенко язык – это не зеркало, в котором отражается социальная реальность, а окно, распахнутое в жизненный мир, который он конструирует в рамках нарративистского его осмысления.

Нарратив является не столько описанием некой реальности, сколько «инструкцией» по определению и пониманию последней. Это своего рода «объясняющий рассказ», в котором есть начало – появление фантома как «черта из табакерки», «жизнеописание» героя-фантома, конец – небытие и забвение. При этом автор (рассказчик) является носителем знания о финале, и только благодаря этому качеству он принципиально отличается от «героя» нарративного рассказа, который «кукарекует», существуя в центре событий и внимания, и не имеет знания о своем конце. «Кто только не “прокукарекал” за 1990–2000-е годы в политике, экономике и даже культуре, а потом, – отмечает Ж.Т. Тощенко, – сгинул, оставив после себя ошарашивающее впечатление, мгновенную или мистическую память. А ведь некоторые из них занимали умы россиян и были в первых строчках при опросах общественного мнения» [9, с. 55].

Ж.Т. Тощенко придерживается принципов такого течения в нарратологии, как нарративный реализм, с позиций которого свое оправдание получает такая форма социального знания, в которой находит

свое воплощение специфичность art и science («сайнс»). Нарративный реализм, с одной стороны, характеризуется стремлением к тому, чтобы показать, как есть на самом деле, с другой – осмыслить новые явления в общественном сознании и социальных практиках в российском обществе с позиций своего жизненного опыта, в контексте определенных социокультурных ориентаций и нормативных ожиданий. Основу такого осмысления составляет экзистенциально-антропологический подход, ориентированный на производство таких научных знаний, в которых презентуется не только социальная реальность, но и субъект научного познания.

Выделяя различные типы фантомных личностей, Ж.Т. Тощенко использует классические социологические методы классификации, основанные на определенной общности оснований. Наиболее перспективным для классификации фантомов общественного сознания и поведения является, считает Ж.Т. Тощенко, анализ таких основных черт (характеристик), как власть, слава, богатство, которые в различных комбинациях образуют соответствующие фантомные типы личности.

Для описания этих типов и их разновидностей Ж.Т. Тощенко использует различные тропы – метафоры, метонимии, иронии: семибанкирщина, нищета идей, «элита» второй свежести, либеральные жрецы. При этом метафорический дискурс демонстрирует временную отстраненность автора, занимающего позицию наблюдателя, стремящегося охватить социальную реальность своим холистским взором. Метонимический дискурс, совпадающий с позицией участника событий, наоборот, демонстрирует вовлеченность автора в социальную реальность. Иронический дискурс позволяет автору «отстранить» описываемое событие через комическое «снижение». При конструировании авторской позиции в тексте активно используется узус (язык повседневных жизненных практик) и известные литературные образы.

Автор использует также различные риторические стратегии, чтобы обозначить свое отношение к своим героям-фантомам. Вот типы фантомных личностей: 1) «бесы»; 2) «авантюристы» («эффективные менеджеры» и имитаторы); 3) «мутанты» («блуждающие форварды и шатуны»); 4) «нарциссы» (показушники); 5) властолюбцы (ксенофобы, шовинисты, квазидиктаторы, «мочильщики» и сопутствующие им – лакеи, лицемеры, симулянты, флюгеры, прилипалы); 6) искатели славы («геростраты», «политические шуты», «информационные киллеры», «ряженые», «инфантилы», «снобы»); 7) любители денег и богатства («коллорабационисты», «мародеры», «фарисеи», «нувориши» и «жло-

бы»). Какой репертуар социальных ролей и сценических типажей! Воистину: жизнь – игра, а люди в ней актеры.

Используя различные тропы и риторические стратегии, автор дает характеристику своим героям, иногда жестко-демоническую, иногда иронически-снишодительную. Идентифицировать некоторых из этих героев-фантомов, а именно либеральных манкуртов (Гайдара и Чубайса) Ж.Т. Тощенко призывает читателей самим, давая им подсказку: кто они? Чертополохи? Гапоновцы? Демоны? Все это усиливает «эффект реальности» для читателя книги. Концепция выглядит для него легко-распознаваемой и быстроосваиваемой.

Таким образом, работа Ж.Т. Тощенко дает принципиально иное представление об общественном сознании и социальном поведении в постсоветской России. Но она выполнена не в той научной манере, к которой привыкли многие российские исследователи, часть из которых погрязла в болоте эмпиризма, а другая превратилась в «модников» – трансляторов готового теоретического знания, заимствованного из научной литературы, описывающей и объясняющей совсем другие социокультурные реалии. Соответственно, и отношение к этой работе может как восторженным, так и с некоторой долей «болотного» или «модного» академического скепсиса.

Что дает книга Ж.Т. Тощенко академическому сообществу, стремящемуся к новым методологическим и теоретическим идеям? В научном плане – это контекстуальность и концептуальность. Автору удалось создать целостную картину новых явлений в общественной жизни России, которая, с одной стороны, соответствует самой социальной реальности, а с другой – содержит его личные «послания», неся на себе «почерк» познающего. В эстетическом плане – это художественность научного текста, которая приближает автора к читателю, а читателя – к пониманию социальной реальности. Все это доставляет научное и эстетическое удовольствие.

Примечания

1. *Веряскина В.П.* Концепт «образцового человека» // Человек. 2004. № 4.

2. *Гудков Л.* О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77.

3. *Лубский А.В.* Социально-гуманитарные науки в России: интеллектуальная стагнация и когнитивные прорывы // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2.

4. *Лубский А.В.* Неоклассическая модель социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7.

5. *Лубский А.В.* Методология региональных социально-гуманитарных исследований. Ростов н/Д., 2009.

6. *Лубский А.В.* Рецензия: Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества» // Вопросы философии. 2015. № 7.

7. *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2.

8. *Тощенко Ж.Т.* Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2013.

9. *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М., 2015.

10. *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1.

В.П. Макаренко

НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ ИДЕЯ ДЛЯ КИНО

В книге Ж.Т. Тощенко я особенно внимательно прочитал главу о политических клоунах (шутах). Автор ограничивает эту тему описанием свойств второстепенных фигур Жириновского и Новодворской. Меня интересует другой вопрос: можно ли считать политическим клоуном первое лицо государства? На этот вопрос я попытался ответить в книге «Революция и власть»¹. В ней есть глава «Шут или клоун?», в которой проблема рассматривается на основе анализа фигуры Сталина. Здесь воспроизведу основные идеи своего подхода к проблеме. Не для того, чтобы спорить с Жаном Терентьевичем, а чтобы занять другую позицию и одновременно показать ее содержательный смысл и эвристические возможности.

В фильме Т. Абуладзе «Покаяние» Сталин представлен дураком или шутком. Такой художественный прием не оригинален. Еще перед Второй мировой войной Чарли Чаплин изобразил тирана дураком. В фильме «Диктатор» он пародировал Гитлера или Муссолини. Дать художественное воплощение дуче было несложно – актер мог пользоваться обычным реализмом при отражении прототипа. С Гитлером дело было сложнее. Он представлялся истерическим трагиком и стремился внушить публике, что принадлежит к «униженным и оскорбленным». Поэтому Чаплин ограничился высмеиванием физиономии и жестикуляции тирана.

¹ *Макаренко В.П.* Революция и власть. Ростов н/Д., 1990.